

содержание

<i>Денис Драгунский. О любви — от первого лица</i>	7
Он упал на траву...	11
Сегодня и ежедневно	131
Рассказы	
Далекая Шура	249
Для памяти	255
Странное пятно на потолке	264
Старухи	270
Красный свитер	279
Письмо	286
Фельетоны	
Волшебная сила искусства	293
Дачурка	300
Письмо из Новогорска	305
Естественное чувство	307
Письмо незнакомки	310
Настоящий поэт	313
Письмо из девятого	317
Отравительница	321
Охапка листьев. О моем учителе Алексее Диком	325

О любви — от первого лица

Виктор Юзефович Драгунский родился в 1913 году, в Нью-Йорке, куда уехали в поисках лучшей жизни его совсем юные отец и мать. Жизнь в Америке, однако, у них не задалась, поэтому они вернулись назад, в город Гомель, с полугодовалым сыном подмышкой — летом 1914 года, за несколько недель до начала Первой мировой войны. Юзеф, отец Виктора, был расстрелян в 1918 году, отчим — начальник гомельской милиции комбриг Ипполит Войцехович — убит в 1920-м, а второй отчим — опереточный актер Михаил Рубин — не вернулся с гастролей, то есть молча бросил семью в 1926-м. Виктор жил с матерью и маленьким братом в просторной, но полутемной комнате, в огромной коммуналке — там же, где потом свои первые годы прожил и я.

Он окончил школу, недолго работал на старом заводе «Самоточка», мастерил конскую сбрую на ипподроме, летом был лодочником на Москве-реке, которая тогда — до строительства канала Москва—Волга — была не такой широкой. В 1931 году — семнадцати лет — он поступил в Театрально-литературную мастерскую Алексея Дикого (воспоминания

о мастере и учениках вы найдете в этой книге). Потом был короткий театралный опыт, война, потом работа клоуном в цирке, снова театр, единственная эпизодическая роль в кино, песни (большая часть — в соавторстве с Людмилой Давидович) — и, наконец, в самом конце 1940-х — эстрадный театр миниатюр «Синяя птичка», где он был основателем, режиссером, актером и автором.

Вот здесь и начался писатель Драгунский — с эстрадных скетчей, реприз и сенок, их было много, попадались очень смешные и изобретательные, особенно те, в которых он играл сам. Некоторые тексты тех времен вошли в эту книгу.

В 1960 году в серии «Библиотека “Крокодила”» вышла первая книжка Виктора Драгунского — тоненькая, почти брошюра — «Железный характер». Там, кроме фельетонов о бюрократах и спекулянтах, сплетниках и модниках, впервые появились «Денискины рассказы», в количестве восьми штук.

Детские рассказы принесли Виктору Драгунскому сначала популярность, а потом и настоящую славу — бесконечные переиздания, переводы, экранизации, инсценировки, радиопостановки...

Несмотря на это, «взрослая проза» осталась важной частью его литературной судьбы. На первый взгляд может показаться, что его «взрослые» рассказы и повести разительно отличаются от «детских». Смех, веселье, хохот, беззаботная детская радость — приключения Дениски Кораблева и его друзей. Война, голод, одиночество, разочарование, большие и малые драмы — повести «Он упал на траву», «Сегодня и ежедневно», рассказы «Старухи», «Далекая Шура», «Странное пятно на потолке». Если же мы приглядимся, вчитаемся внимательно, то увидим, что детская и взрослая проза Драгунского не так уж сильно различаются. И дело не только в том, что в «Денискиных рассказах» есть лирика и грусть, а в повестях встречаются смешные эпизоды. Что же касается, например, рассказа «Письмо», то не сразу понятно, что это: хохот над старым ду-

раком, который пишет жалобу на свою молодую жену, употребляя нелепые канцелярские обороты, — или слезы над несчастной безответной любовью? Дело даже не в том, что все его рассказы и повести основаны на личном опыте, в них видны куски биографии автора, и почти у всех персонажей есть реальные прототипы.

Самое главное — в интонации, в искренности, которая утверждается повествованием от первого лица. С читателем говорят школьник Дениска Кораблёв, театральный маляр Митя Королёв (может быть, совпадение тут не совсем случайно — ДК и ДК?), клоун Николай Ветров.

О чем пишет Виктор Драгунский? Прежде всего о любви.

Вот повесть «Он упал на траву...», посвященная трагедии Московского народного ополчения в 1941 году. Главный герой и рассказчик Митя Королёв (как и сам Драгунский), по болезни освобожденный от призыва на фронт, вместе с такими же белобилетниками, полуинвалидами, стариками рыл окопы под Можайском и потом лесами выходил из окружения, потеряв под обстрелом своего нового друга, чудесного рабочего парня Лёшку (наверное, здесь прячется воспоминание о его брате Леониде Драгунском, который в 18 лет погиб на фронте). Но эта маленькая книга — не о войне как таковой. Повесть начинается с того, что Митя Королёв — к его собственному удивлению — ощущает себя радостным и счастливым. Как же так? По радио тревожные сводки, бесконечное «отступили», «оставили», «отошли», немцы рвутся к Москве, бомбят Москву. А он — счастлив! Потому что как раз в эти дни у него начались первые в его юной жизни отношения с женщиной. Роман, да какой! Он, хромоногий театральный маляр-декоратор, и она — актриса, красавица, премьерша! Он настолько полон этим чувством, что даже как бы и не замечает войну, и на рытье окопов он тоже думает только о ней. Потом она его бросает — странно сказать, именно из-за его любви. Наивный Митя пишет ей письмо, полное восторга и стра-

сти, — а она ждет «настоящего письма с фронта», чтоб там были отвага и патриотизм. «Письмо — это документ, братец...» — говорит она перед окончательной разлукой.

«Сегодня и ежедневно» — тоже кусок биографии автора; Драгунский ведь побывал цирковым клоуном. Герои этой повести — от знаменитого дрессировщика до юной гимнастки — узнаваемы для знатоков цирка, там много интересных фактов и черточек цирковой жизни, закулисной, не видной зрителям — но опять же не в том дело. Эта повесть не о цирке, а о несчастной любви. Клоун Николай Ветров возвращается в Москву с гастролей и узнаёт, что его давняя подруга ему изменила; потом он встречает прекрасную молодую артистку, влюбляется в нее издали, робко и тайно (жена товарища все-таки!), — а она гибнет во время репетиции. Опустошенный двумя утратами, он снова уезжает из Москвы. «А собачка дальше полетела!» — этими словами старинной цирковой репризы заканчивается повесть.

Виктор Драгунский прожил недлинную жизнь (1913—1972), а его писательская биография была совсем короткая, не более десяти лет, потому что года за два до смерти он тяжело заболел и почти перестал работать. Если собрать все сочинения Драгунского, включая песни и эстрадные репризы, то получится один не слишком толстый том. Знаменитые «Денискины рассказы» почти заслонили его прекрасную прозу для взрослых, но, уверен, читатели оценят и ее.

*Денис Драгунский,
апрель 2023*

он упал

на
траву...

повесть

Очень темная была ночь, когда я, нагруженный разными свертками, усталый как черт и голодный, подошел к своему переулку. Здесь, у аптеки, я должен был подождать ее. На улице уже было тихо и глухо. Москва отдыхала после тревожного дня перед тревожной ночью. Все мы, москвичи, знали, что через несколько минут обязательно прозвучит сигнал воздушной тревоги, фриц опять начнет рваться к нашему городу, и мы уведем женщин, детей и стариков в бомбоубежище, а сами побежим на свои места — в лестничные клетки, в подъезды и на крыши, будем слушать надсадный вой чужого мотора и с надеждой смотреть на кинжально-перекрещивающиеся лезвия прожекторов. Нетерпеливым сердцем будем подгонять зенитчиков и будем радоваться, когда услышим первые удары наших батарей, — они такие сильные, молодые и стучат полновесно, как весенний первый гром, когда, резвяся и играя, — как там дальше? Ах да — грохочет в небе голубом! Знал я также, что молодой командир батареи у зала Чайковского будет командовать: «Огонь!» —

и после каждого залпа он будет звонко материться, и это всем нам, дежурящим на окрестных крышах, будет как маслом по сердцу.

Да, скоро объявят воздушную тревогу, а пока Москва немножко отдыхала, и я стоял на перекрестке, в полной темноте, и, видно, никогда не забыть мне этого часа в последнюю августовскую ночь в Москве, когда я ждал на углу возле аптеки эту женщину и знал, что завтра я уйду из моего врезанного в сердце города, и от нее уйду, и буду делать что-то большее, чем дежурство на крышах и тушение зажигалок.

А время все шло, и от нетерпения я уже насчитал несколько раз по пятьсот, а Валя все не приходила. Я вошел в парадное, где стояла будка автомата, опустил гривенник и, отсчитывая в синей темноте буквы и цифры на телефонном диске, набрал ее номер. Телефон басисто прогудел, и Валя сняла трубку. Это сразу ударило меня по сердцу. Я слышал ее голос, а ведь она должна была отсутствовать. Это поразило меня. Она, значит, дома, а я стою на ветру и жду ее, а она вовсе и не собирается проводить меня, провести со мной вечер, проститься...

Я сказал:

— Это я, что ж ты не идешь?

И я услышал, как она ответила мгновенно, как будто знала, что я позвоню, и как будто давно уже отрепетировала свой ответ.

— Понимаешь, Зойка, — сказала она, — ничего не выйдет, мне не вырваться сегодня. Семейные дела заели. Да и поздно уже!

Какая, к черту, Зойка? Я почувствовал, что у меня упало сердце. Я сказал:

— Я не Зойка. Это Митя говорит.

Она засмеялась.

— Нет, Зойчик, не могу. Не проси.

Я сказал:

— Я завтра уезжаю. Ведь ты же плакала. Что ты несешь?
Мы не простимся?

Она помолчала, потом сказала тихо и очень внятно:

— Неудобно. Надеюсь, ты напишешь. Будь здорова.

Я услышал комариный писк разъединения и механически повесил трубку.

Вышел я из будки, так резко толкнув дверь, что ушиб кого-то, стоящего там в темноте.

— Ох, — сказал кто-то, — чуть-чуть не убил.

В парадном стояла девушка. Синий свет не давал возможности разглядеть ее лицо.

Я сказал:

— Извините, — и хотел было уйти.

Но она сказала:

— Я вас давно жду. Одолжите мне гривенник, пожалуйста, или разменяйте двадцать копеек.

Я протянул ей монету. У меня их всегда полны карманы. Она взяла гривенник, нащарив в темноте мою руку, и я ощутил прикосновение горячих и сухих пальцев. Она сказала:

— Если можно, не уходите. Я мигом.

Я остался в парадном. Я не мог как следует осознать все случившееся, и на душе у меня было непоправимо скверно. Ведь, черт побери, честно говоря, я был в эти дни, в эти ужасные первые дни войны как какой-нибудь сумасшедший: я был счастлив. То есть я был потрясен войной, я ненавидел фрица, я знал, что уйду на войну во что бы то ни стало, но вот в глубине сердца у меня, несмотря на такое ужасное горе, как война, светилось счастье. Это было потому, что я верил в Валину любовь и сам любил ее всем сердцем. А теперь, после разговора по телефону, особенно после ее правдивого голоса, который так здорово врал и обзывал меня Зойкой, после этого я почувствовал, что ничего